

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

FEATURES OF THE APPLICATION OF PROCEDURAL COERCION MEASURES IN A STATE OF MARTIAL LAW

I. Goryunov

Summary. This article examines the features of applying procedural coercion measures in the context of martial law. It analyzes the issues of effectiveness and appropriateness of using various preventive measures under extraordinary circumstances. Particular attention is given to the functioning of the judicial system, the protection of the rights of suspects and defendants, as well as the organizational aspects of implementing procedural coercion measures. The necessity of prioritizing detention as the most effective preventive measure in a state of martial law is justified. The article also proposes ways to improve legislation and law enforcement practices, taking into account the specifics of the martial law regime.

Keywords: procedural coercion measures, martial law, criminal proceedings, preventive measures, detention, rights of defendants, judicial system, national security, legislation, law enforcement practice.

Горюнов Игорь Владимирович

Адъюнкт, капитан полиции,
Краснодарский университет МВД России
goryunov2014@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения мер процессуального принуждения в условиях военного положения. Анализируются проблемы эффективности и целесообразности использования различных мер пресечения в экстраординарных обстоятельствах. Особое внимание уделяется вопросам функционирования судебной системы, обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых, а также организационным аспектам реализации мер процессуального принуждения. Обосновывается необходимость приоритетного применения заключения под стражу как наиболее эффективной меры пресечения в условиях военного положения. Предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики с учетом специфики режима военного положения.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, военное положение, уголовное судопроизводство, меры пресечения, заключение под стражу, права обвиняемых, судебная система, национальная безопасность, законодательство, правоприменительная практика.

В рамках современной юридической науки и практики особую актуальность приобретает вопрос о функционировании уголовного судопроизводства в экстраординарных условиях, в частности, в режиме военного положения (далее — УВП). Данная проблематика приобрела особую значимость в связи с введением УВП в четырех субъектах Российской Федерации с 20 октября 2022 года, что было закреплено Указом Президента РФ № 756 от 19 октября 2022 года [2].

Нормативно-правовой базис для осуществления уголовного судопроизводства в условиях УВП формируется на основе Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О военном положении» от 30 января 2002 года [3]. Данный законодательный акт регламентирует не только общие аспекты функционирования государственных институтов в условиях УВП, но и затрагивает специфику реализации отдельных видов государственной деятельности, включая уголовно-процессуальную.

Эффективность уголовного судопроизводства в условиях УВП в значительной степени детерминирована наличием и адекватностью правовых инструментов, в частности, мер процессуального принуждения. Особое место в системе этих мер занимают меры пресечения, являющиеся неотъемлемым элементом механизма обеспечения законности и правопорядка.

Законодатель предусматривает исчерпывающий перечень из восьми мер пресечения, который носит универсальный характер и применим в различных процессуальных ситуациях. Однако, анализируя специфику УВП, возникает закономерный вопрос о сохранении эффективности данных мер в экстраординарных условиях.

В научном сообществе формируется гипотеза о том, что не все законодательно закрепленные меры пресечения могут сохранять свою действенность в УВП в той же степени, что и при нормальном функционировании правовой системы. Данное предположение базируется на ряде факторов, включая изменение социально-правового контекста, трансформацию механизмов государственного управления и возможное ограничение ресурсного обеспечения правоохранительной деятельности в условиях УВП [8].

В контексте современной уголовно-процессуальной науки и практики особую актуальность приобретает проблематика применения мер процессуального принуждения, в частности мер пресечения, в условиях военного положения. Данный вопрос требует глубокого научного анализа и осмысления с учетом специфики экстраординарных обстоятельств и необходимости обеспечения эффективности уголовного судопроизводства.

При рассмотрении данной проблемы следует исходить из принципа целесообразности и соразмерности применяемых мер пресечения. В условиях военного положения критически важно, чтобы избираемые меры процессуального принуждения не только соответствовали целям уголовного судопроизводства, но и способствовали стабилизации общей обстановки, а также содействовали восстановлению нормального функционирования государственных институтов.

Законодатель, руководствуясь статьей 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1], устанавливает ряд ключевых критериев, которым должны соответствовать применяемые меры пресечения. В частности, они не должны создавать условий для уклонения обвиняемого или подозреваемого от следствия и суда, продолжения преступной деятельности, оказания давления на участников уголовного судопроизводства или препятствования исполнению приговора. Данные положения приобретают особую значимость в контексте военного положения, когда риски, связанные с указанными действиями, могут существенно возрастать.

Значительным шагом в развитии нормативно-правовой базы в рассматриваемой области стало принятие Федерального закона от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4]. Данный законодательный акт впервые закрепил в части 2 статьи 100 УПК РФ особенности применения мер пресечения в условиях военного положения, что свидетельствует о признании законодателем специфики данной проблематики и необходимости ее отдельного регулирования.

Компаративный анализ новой нормы с существующими положениями УПК РФ позволяет сформулировать ряд научно-обоснованных суждений. Во-первых, очевидна тенденция к дифференциации процессуального регулирования в зависимости от конкретных условий осуществления уголовного судопроизводства. Во-вторых, законодатель стремится обеспечить баланс между необходимостью эффективного применения мер процессуального принуждения и гарантиями прав и свобод участников уголовного процесса в экстраординарных условиях.

Существующие восемь мер пресечения универсальны, однако возможность и эффективность их применения в условиях военного положения вызывает серьезные сомнения. Так, подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) в описываемых условиях вряд ли будет эффективна: обеспечение контроля за нахождением лица в пределах населенного пункта, на который распространяется действие меры пресечения, будет затруднено. А использование сторонами тяжелого

стрелкового, в том числе артиллерийского и ракетного оружия, бомбометания, ставит под сомнение и саму безопасность нахождения лица в пределах населенного пункта, на который распространяется эта мера пресечения. Такая же ситуация складывается и с личным поручительством (ст. 103 УПК РФ). По схожим основаниям вызывает сомнение целесообразность применения пристража за несовершеннолетним обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). При недостаточно доверительных отношениях его с «родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами» возможность его сокрытия от органов расследования либо уклонения от явки будет не только вероятна, но и практически непредотвратима. Также трудно обеспечить исполнение запрета определенных действий (ст. 105 УПК РФ). Помимо прочего, это одна из мер пресечения, избираемая по судебному решению.

В контексте современной уголовно-процессуальной науки и практики особую актуальность приобретает проблематика применения мер процессуального принуждения в условиях военного положения, особенно на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Данный вопрос требует комплексного научного анализа с учетом специфики функционирования судебной системы в экстраординарных обстоятельствах [9].

Прежде всего, следует отметить, что в условиях военного положения возникает риск неполноценного функционирования судебной системы. УПК РФ не предусматривает механизмов привлечения альтернативных судебных органов для решения процессуальных вопросов в случае отсутствия или недоступности надлежащего суда (судьи). Эта проблема приобретает особую остроту при необходимости избрания мер пресечения, применяемых по судебному решению, что может существенно затруднить реализацию принципа законности в уголовном судопроизводстве.

Далее, необходимо обратить внимание на специфику применения отдельных мер пресечения в условиях военного положения. Так, запретительные меры, связанные с ограничением передвижения или коммуникации подозреваемого (обвиняемого), могут столкнуться с объективными трудностями в реализации, особенно в зоне ведения боевых действий. Эффективный контроль за соблюдением таких запретов может быть существенно затруднен в силу объективных обстоятельств.

Особого внимания заслуживает вопрос о целесообразности применения залога (ст. 107 УПК РФ) в условиях военного положения. С научной точки зрения, можно выделить несколько аспектов данной проблемы:

1. Процессуальный аспект: залог, как мера пресечения, требует судебного решения, что в условиях нарушенного функционирования судебной системы может быть затруднительно.

2. Целевой аспект: применение залога может не соответствовать основным целям режима военного положения, а именно противодействию агрессии или угрозе агрессии. Защита частной собственности в виде залога может рассматриваться как второстепенная задача в контексте обеспечения национальной безопасности.
3. Организационный аспект: возникает вопрос о распределении ресурсов для обеспечения исполнения решения о залоге в условиях, когда приоритетной задачей является защита национальной безопасности [].

Аналогичные критические соображения можно высказать и в отношении применения домашнего ареста (ст. 108 УПК РФ) в условиях военного положения. Эффективность данной меры пресечения может быть существенно снижена из-за объективных трудностей в обеспечении контроля за ее исполнением в экстремальных условиях.

На основании проведенного исследования и с учетом высказанных ранее суждений, представляется целесообразным ограничить спектр применяемых мер пресечения в условиях УВП двумя основными видами. Первым из них является наблюдение командования воинской части. Данная мера пресечения обладает высоким потенциалом эффективности в силу специфики организации воинских частей как режимных объектов, функционирование которых регламентировано строгими внутренними правилами и подкреплено механизмами государственного принуждения. Однако, учитывая ограниченность субъектного состава (применяется только в отношении военнослужащих), данная мера не может рассматриваться как универсальное решение.

Второй и, по нашему мнению, ключевой мерой пресечения в условиях УВП должно стать заключение под стражу. Аргументация в пользу приоритетного применения данной меры пресечения базируется на ряде факторов, включая исторический опыт обеспечения безопасности общества и государства в условиях серьезных социальных угроз.

Исторический экскурс позволяет провести параллели между современной ситуацией и опытом противодействия организованной преступности в России 1990-х годов. В частности, заслуживает внимания Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности». Пункт 3 данного указа устанавливал категорический запрет на применение к подозреваемым и обвиняемым таких мер пресечения, как подписка о невыезде, личное поручительство, поручительство общественных организаций и залог [5].

Важно отметить, что в действовавшем на тот момент Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года отсутствовали иные меры пресечения помимо вышеперечисленных [6]. Следовательно, указ президента фактически ограничивал выбор мер пресечения исключительно заключением под стражу. Данный исторический прецедент демонстрирует признание на высшем государственном уровне необходимости применения наиболее строгих мер процессуального принуждения в условиях серьезных угроз общественной безопасности.

Экстраполируя этот опыт на современные реалии УВП, можно сделать вывод о целесообразности аналогичного подхода. Заключение под стражу как мера пресечения обеспечивает максимальный контроль над подозреваемым или обвиняемым, минимизирует риски их уклонения от следствия и суда, продолжения преступной деятельности или воздействия на участников уголовного судопроизводства.

Однако, следует подчеркнуть, что применение столь строгой меры пресечения должно сопровождаться усиленными гарантиями соблюдения прав и законных интересов лиц, подвергаемых заключению под стражу. Необходимо разработать специальные процессуальные механизмы, обеспечивающие баланс между эффективностью уголовного преследования и соблюдением фундаментальных прав человека даже в условиях УВП.

Одним из ключевых аспектов, требующих тщательного рассмотрения, является вопрос о функционировании мест содержания лиц, подвергнутых мерам процессуального принуждения. В отличие от стандартных условий, в УВП не все изоляторы временного содержания, следственные изоляторы и другие подобные учреждения могут функционировать в полном объеме. Это ставит перед законодателем и правоприменителем задачу организационного и правового решения проблемы мест содержания задержанных и заключенных под стражу в условиях особого правового режима.

Не менее важной проблемой является обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых. Это касается как их доставления в места содержания, так и проведения судебных заседаний и содержания под стражей. В условиях УВП данный вопрос приобретает особую остроту и требует разработки специальных мер и протоколов безопасности.

Особого внимания заслуживает проблема использования средств видео-конференцсвязи при проведении судебных заседаний. В условиях военного положения существует риск, что противник может установить факт проведения судебного заседания, круг его участников и даже предпринять действия, направленные на физическое уничтожение места проведения заседания и его

участников. Это ставит под сомнение целесообразность использования данной технологии в УВП и требует поиска альтернативных решений.

Существенным аспектом является вопрос о сроках применения мер процессуального принуждения. Действующее законодательство не в полной мере учитывает специфику УВП. Так, после задержания на срок до 30 суток (для тяжких и особо тяжких преступлений) мера процессуального принуждения для подозреваемого может быть применена лишь на дополнительные 15 суток (в общей сложности до 45 суток). Для обвиняемого после задержания мера процессуального принуждения может быть применена на один месяц, поскольку первоначальный срок содержания под стражей не превышает двух месяцев. Очевидно, что в условиях военного положения такие сроки могут оказаться недостаточными, что требует пересмотра законодательного подхода к данному вопросу [10].

Немаловажным является вопрос о процедуре задержания лица по подозрению в совершении преступления, которая должна предшествовать применению более строгих мер процессуального принуждения. Необходимо учитывать, что для задержания на срок до 30 суток в условиях военного положения лицо должно быть подозреваемо в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступления, наказание за которое превышает 5 лет лишения свободы. Это создает определенные ограничения в применении данной меры процессуального принуждения.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о возможности и необходимости участия в судебном заседании иных лиц, помимо подозреваемого или обвиняемого. Речь идет о защитнике, законном представителе, педагоге, психологе. Необходимо тщательно взвесить потенциальные угрозы и риски, связанные как с их участием, так и с их отсутствием в судебном процессе в условиях УВП.

Наконец, серьезной проблемой является вопрос о продлении срока применения мер процессуального принуждения, в частности, содержания под стражей. Традиционный подход к решению этого вопроса может столкнуться с теми же трудностями, что и при первоначальном избрании меры процессуального принуждения. Однако игнорирование необходимости продления сроков также недопустимо.

Таким образом, применение мер процессуального принуждения в условиях военного положения сопряжено с целым комплексом проблем, требующих тщательного научного анализа и законодательного урегулирования. Необходимо разработать специальные нормы и механизмы, учитывающие специфику УВП и обеспечивающие баланс между эффективностью уголовного преследования и соблюдением прав подозреваемых и обвиняемых. Только комплексный подход к решению этих вопросов позволит обеспечить эффективное функционирование системы уголовного судопроизводства в экстраординарных условиях военного положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024).
2. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024).
3. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024).
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2023 № 396-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024).
5. О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности: Указ Президента РФ от 14.06.1994 № 1226 (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024).
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.09.2024).
7. Губарева, Д.В. Актуальные проблемы применения залога как меры пресечения и пути их разрешения / Д.В. Губарева, Д.В. Теткин // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: Материалы VI Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 05 декабря 2022 года. — Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. — С. 205–210.
8. Ионов, В.А. Ограничение гражданских прав в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства в период введения военного положения / В.А. Ионов, Ю.Ю. Гарцева // Актуальные вопросы обучения противодействию современным угрозам: Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 16 ноября 2023 года. — Москва: Полицентр, 2023. — С. 151–157.
9. Стельмах, В.Ю. Принуждение в стадии возбуждения уголовного дела / В.Ю. Стельмах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — № 1(44). — С. 268–275. — DOI 10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3319.
10. Шавкарова, Е.Е. К вопросу процессуального положения подозреваемого после задержания / Е.Е. Шавкарова // Форум. — 2024. — № 1(31). — С. 326–329.

© Горюнов Игорь Владимирович (goryunov2014@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»